

ВЛАДИКАВКАЗСКІА ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

(ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ).

XXII годъ
изданія.

1916 г., 1 Сентября

№ 17.

Цѣна годового изданія пять
руб., а одного номера 25 коп.
съ пересылкой.

АДРЕСЪ. Гор. Владикавказъ.
Редакція Епархіальныхъ Вѣ-
домостей.

Официальная часть.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Антонину, Епископу Владикавказскому и Моздокскому.

По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенное за Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода Г. Товарищемъ Оберъ-Прокурора, отъ 15 іюля 1916 года за № 5995, отношеніе Военнаго Министра съ ходатайствомъ о разрѣшеніи церковнаго сбора на устройство курсовъ для увѣчныхъ воиновъ и о разсылкѣ всѣмъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ присланныхъ брошюръ объ организаціи помощи пострадавшимъ воинамъ и сельско-хозяйственныхъ и другихъ курсовъ. И, по справкѣ, Приказали: Военный Министръ въ от-

ношеніи на имя Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, сообщая, что на осуществленіе плана организаціи учебно-трудо-вой помощи увѣчнымъ, больнымъ и раненымъ воинамъ требуются неотложно матеріальныя средства, что разрѣшенный Святѣйшимъ Синодомъ на сей предметъ церковный сборъ пожертвованій въ теченіе всей Пасхальной недѣли производился, за позднимъ опубликованіемъ сего разрѣшенія, не во всѣхъ епархіяхъ. ходатайствуетъ о новомъ разрѣшеніи на производство во всѣхъ храмахъ сборовъ для той же цѣли въ дни праздниковъ: Преображенія Господня, Успенія Пресвятыя Богородицы и Рождества Пресвятыя Богородицы (6 и 15 августа и 8 сентября сего года) и вмѣстѣ съ симъ проситъ не отказать въ распоряженіи о разсылкѣ всѣмъ Епархіальнымъ Архіереямъ копій сношенія Военнаго Министра съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ отъ 20—21 января 1915 года за № 9637 объ организаціи помощи пострадавшимъ на войнѣ нижнимъ воинскимъ чинамъ, а также организаціонныхъ плановъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ и курсовъ для увѣчныхъ воиновъ по подготовкѣ счетоводовъ-дѣлопроизводителей и др. Обсудивъ изложенное и принимая во вниманіе, что обученіе увѣчныхъ и раненыхъ воиновъ подходящимъ состоянію ихъ здоровья ремесламъ и знаніямъ является не только дѣломъ христіанскаго милосердія, но имѣетъ и важное общественное значеніе, давая имъ возможность снискивать себѣ средства собственнымъ трудомъ, что по изустному докладу присутствующаго въ Св. Синодѣ Преосвященнаго Черниговскаго въ управляемой имъ епархіи есть уже такія учрежденія, которыя поставляютъ своею цѣлью оказаніе упомянутой помощи увѣчнымъ воинамъ и находятся въ завѣдываніи духовнаго начальства, что подобныя учрежденія могутъ оказаться и въ другихъ епархіяхъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) предписать произвести во всѣхъ храмахъ сборъ пожертвованій 6 и 15 августа и 8-го сентября сего года на тѣхъ же усло-

віяхъ, какъ это было изъяснено въ опредѣленіи 4 апрѣля текущаго года за № 2485, напечатанномъ въ №№ 15—16 „Церковныхъ Вѣдомостей“ 1916 года, съ тѣмъ, однако, чтобы средства, поступившія путемъ сбора въ эти дни въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ уже учреждены и организованы курсы для увѣчныхъ воиновъ, были расходуются на содержаніе этихъ курсовъ съ соблюденіемъ самой строгой отчетности предъ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ, и 2) разослать Епархіальнымъ Преосвященнымъ, для свѣдѣнія, вышеуказанные печатные оттиски объ организаціи курсовъ и помощи увѣчнымъ воинамъ. О чемъ, для должнаго исполненія, Епархіальнымъ Преосвященнымъ, Сунодальнымъ Которамъ, Завѣдывающему Придворнымъ духовенствомъ и Протопресвитеру военного и морского духовенства послать печатные указы, съ приложеніемъ вышеупомянутыхъ печатныхъ экземпляровъ. Іюля 29 дня 1916 г.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Къ свѣдѣнію духовенства Епархіи.

Его Преосвященство на одномъ изъ журналовъ благочинническаго собранія о выборѣ депутата на съѣздъ, при чемъ оказался выбраннымъ благочинный, положилъ такую резолюцію: „желательно, чтобы депутатами на съѣздѣ были предпочтительнѣе лица изъ обычнаго круга духовенства, а не благочинные—лица должностныя. Это все равно, какъ еслибы на какой нибудь сборъ казаковъ вмѣсто выборныхъ казаковъ изъ станицъ, являлись бы одни атаманы станицъ. Это былъ бы сборъ администраціи, а не обывателей. Такъ и у насъ вмѣсто сбора духовенства является сборъ благочинныхъ, т. е. одной администраціи“.

Назначенія, перемѣщенія и увольненія.

Назначень: Священникъ ст. Кисловодской Петръ Стефановскій и. д. благочиннаго 2 округа—13 августа.

Перемѣщены: Священникъ Владикавказской Тюремной церкви Василій Жидковъ на настоятельское мѣсто къ Михаило-Архангельской церкви г. Грознаго, согласно прошенію—14 августа.

Діаконъ Кизлярскаго собора Филиппъ Константиновъ на діаконское мѣсто въ ст. Галюгаевскую, согласно прошенію—14 августа.

Священникъ Николаевской церкви г. Георгіевска Владимиръ Бибилуровъ—въ ст. Галюгаевскую—14 августа.

Уволены: Священникъ Даллакаускаго прихода Стефанъ Каировъ за штатъ, согласно прошенію, съ причисленіемъ къ Садонской церкви—1 августа.

Благочинный 2 округа, протоіерей Василій Жуковъ отъ должности благочиннаго, согласно прошенію 13 августа.

Отъ Владикавказской Епархіальной Предсѣздной Комиссіи.

Комиссія проситъ духовно-учебныя заведенія и другія Епархіальныя учрежденія, равно должностныхъ лицъ епархіи, ускорить присылку въ Предсѣздную Комиссію вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію предстоящаго очереднаго Епархіальнаго Съѣзда, который будетъ созванъ, съ разрѣшенія Его Преосвященства, по разсмотрѣніи сихъ вопросовъ въ Комиссіи.

Предсѣдатель Комиссіи, Протоіерей Д. Кузнецовъ.

СПИСОКЪ

свободнымъ мѣстамъ СВЯЩЕННИЧЕСКИМЪ:

1. При церкви Владикавказскаго духовнаго училища.
2. При церкви поселка Алексѣевскаго, Дагестанской области.
3. При Тюремной церкви гор. Владикавказа.
4. При церкви Грозненской женской общины.

ДІАКОНСКИМЪ:

1. При церкви станицы Троицкой.
2. При Казанскомъ соборѣ гор. Кизляра.

ПСАЛОМЩИЧЕСКИМЪ:

1. При церкви станицы Самашкинской.
2. При церкви села Ново-Александровскаго, Дагестанской области.
3. При церкви поселка Алексѣевскаго, Дагестанской области.
4. При церкви села Суеткиной—Косы.
5. При церкви селенія Ново-Урухскаго.
6. При церкви станицы Стодеревской.
7. При церкви села Малой Аршевки.
8. При церкви селенія Ходъ.
9. При церкви Слободы Константиногорской.
10. При церкви селенія Наръ.
11. При Николаевскомъ соборѣ гор. Кисловодска.

Отъ Совѣта и Правленія Владикавказскихъ Епархіального женскаго и Духовнаго Училищъ.

Совѣтъ и Правленіе симъ извѣщаетъ, что учащіеся, живущіе въ общежитіи и не имѣющіе экзаменовъ и переэкзаменовокъ, должны явиться въ общежитіе **не ранѣе 30-го сентября**. Учащіеся—же, коимъ даны экзамены и переэкзаменовки должны явиться въ общежитіе **не ранѣе, какъ накануне сроковъ** сихъ послѣднихъ, опубликованныхъ въ прошломъ и настоящемъ №№ Еп. Вѣдомостей.

РАСПИСАНІЕ.

переводныхъ и приѣмныхъ испытаній во Владикавказскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ послѣ каникулъ.

20-го сентября письменный по русскому яз. и французскій яз.

21-го 1. Законъ Божій, ариѳметика,, физика, алгебра, геометрія и космографія.

2. литература, словесность, русскій яз. и дидактика.

22 Гражданская исторія, географія, природовѣденіе Медицинкій Осмотръ поступающихъ въ 1-й классъ.

Съ 23-го Экзамены для поступающихъ въ 1-й классъ.

- 23-го 1. Письменный по русскому языку,
2. Законъ Божій.

24-го Русскій и славянскій языки.

27-го Ариѳметика.

28-го Медицинскій осмотръ поступающихъ во II—VI-й классы и приемные экзамены для поступающихъ во II-VI-классы.

- 28-го 1. По русскому языку—письменный.
2. Законъ Божій и пѣніе.

- 29-го 1. Русскій и славянскій языки.
2. Географія и природовѣдѣніе.

- 30-го 1. Гражданская исторія и французскій языкъ.
2. Ариѳметика.
-

НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Приспѣло время.

*„Итакъ, заклинаю тебя передъ
Богомъ и Господомъ нашимъ Иису-
сомъ Христомъ, Который будетъ
судить живыхъ и мертвыхъ въ яв-
леніе Ею и царствіе Ею.*

*Проповѣдуй слово, настой во
время и не во время, обличай, запре-
щай, увѣщывай со всякимъ долю-
терпѣніемъ и назиданіемъ“.*

Настоящая затяжная и кровопролитнѣйшая, охватившая почти весь міръ, борьба народовъ, рассчитанная болѣе на физическое и моральное истощеніе противниковъ, чѣмъ на разительныя удары меча, всколыхнула міровой океанъ чело-вѣческой жизни до самаго дна и вмѣстѣ съ перлами души и сердца чело-вѣка выбросила на пѣнящіеся гребни мутныхъ волнъ и такія скверны, передъ которыми невольно становишь-ся въ тупикъ, которыя невольно заставляютъ ужасаться за чело-вѣка, такъ низко нравственно упавшаго.

Современный лозунгъ борьбы, — „физическое и моральное истощеніе противника“ сдѣлалъ то, что никогда еще глубо-кій тылъ борящихся не игралъ такой важной, такой домини-рующей роли въ исходѣ самой борьбы, какъ это мы наблюдаемъ теперь. Какимъ-бы патріотическимъ воодушевленіемъ не горѣли сердца бойцевъ, умирающихъ за родину на пере-довыхъ позиціяхъ, какою бы глубокою вѣрою не пылала ихъ душа въ правоту своего дѣла, какъ-бы беззавѣтно не любили они свой родимый край, они будутъ безсильны, если за ихъ

плечами будетъ стоять слабый, дезорганизованный тылъ, если душа и сердце этого тыла не будутъ горѣть тѣмъ же святымъ огнемъ, въ какомъ закаляется ихъ душа, ихъ мужественное сердце!

Эту истину наши противники хорошо усвоили въ самомъ началѣ войны, усвоили и тотчасъ-же претворили ее въ плоть и кровь. Германія черезъ двѣ недѣли послѣ начала военныхъ дѣйствій уже мобилизовала всю свою промышленность и превратилась въ одну-сплошную фабрику, работающую на оборону страны. Такъ сдѣлала Германія, которая и до начала войны почти весь мiръ снабжала предметами боевого снаряженія и вооруженія. Мы въ этомъ отношеніи за-поздали болѣе, чѣмъ на цѣлый годъ, и результаты такой нашей оплошности особенно ярко сказались весною и лѣтомъ прошлаго года, когда наша побѣдоносная армія, вслѣдствіи острой нужды въ орудіяхъ и снарядахъ, вынуждена была къ отступленію отъ Карпатъ, къ оставленію Галиціи, а затѣмъ и къ печальному отходу изъ предѣловъ собственной Польши и части Прибалтійскаго края.

Съ самаго начала военныхъ дѣйствій противники наши обратили также самое серьезное вниманіе на продовольственный вопросъ и, хотя этотъ вопросъ въ настоящее время во враждебныхъ намъ центральныхъ державахъ обостренъ гораздо болѣе, чѣмъ у насъ, однако причины такого обостренія тамъ носятъ совершенно иной характеръ. Тамъ для смягченія продовольственнаго кризиса сдѣлано все, что только въ силахъ человѣческихъ, и если продовольственная нужда у нашихъ враговъ въ настоящій моментъ такъ остро чувствуется, то это, какъ говорится, по причинамъ отъ нихъ независящимъ, среди которыхъ доминирующую роль играетъ прекращеніе ввоза тѣхъ продуктовъ питанія, которые Германія и Австрія до войны добывали изъ зарубежныхъ странъ. Теперь эта возможность подрѣзана въ корнѣ, благодаря мѣрамъ, принятымъ нашими союзницами Франціей и въ особенности Анг-

ліей, которыя спаяли враждебныя намъ страны желѣзнымъ кольцомъ блокады.

Совсѣмъ не въ такомъ положеніи находимся мы: никакая блокада намъ не угрожаетъ да и не можетъ она намъ угрожать уже потому одному, что Россія всегда имѣетъ полную возможность обходиться своими собственными средствами, а при отсутствіи въ настоящее время экспорта, ея натуральныя богатства предметами первой необходимости, предметами питанія должны были-бы настолько возрасти, что ни о какихъ продовольственныхъ кризисахъ русскій народъ не долженъ былъ бы и задумываться. Но къ прискорбному сожалѣнію настоящій смерчъ боевой — снова повторяемъ мы, всколыхнувъ міровой океанъ человѣчества до самаго дна, выбросилъ на гребни пѣнящихся водъ вмѣстѣ съ перлами души и сердца человѣка и гнойныя скверны ихъ, скверны любостыжанія, самаго крайняго эгоизма, скверны такой хищной алчности, которая, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, не щадитъ и многострадальную свою родину, истекающую кровью и слезами!

Въ то время какъ тамъ, на далекихъ и страшныхъ передовыхъ позиціяхъ наши братья и дѣти въ защиту чести и достоинства своей великой матери Россіи отдають ей все чѣмъ свѣтла и красна жизнь, не щадя и этой самой жизни въ то время какъ тамъ, на поляхъ смерти всѣ, начиная отъ вооруженнаго съ ногъ до головы воина и кончая беззащитною сестрой милосердія, вооруженною только беззавѣтною любовью къ страждущимъ братьямъ, идутъ нога въ ногу къ мерцающей вдали славной побѣдѣ; въ то время, какъ эти поля смерти уже дали намъ цѣлый рядъ святыхъ великомучениковъ, твердо выносящихъ всѣ пытки срѣдне-вѣковой инквизиціи, ради счастья родины и такихъ легендарныхъ героинь, какъ сестра милосердія Иванова—здѣсь, въ глубокѣмъ тылу со дна взбаломученнаго океана вынырнули такіе

паразитствующіе гады, которые въ душѣ каждого порядочнаго человѣка кромѣ омерзѣнія ничего возбудить не могутъ!

Пиръ во время чумы!

Вотъ краткая характеристика той безстыдной вакханаліи спекулятивной горячки, которою охвачены теперь извѣстные круги нашего глубокаго тыла. Разверните любую газету и вы ежедневно найдете тамъ яркую картину этого страшнаго пира во время чумы. Организовавшись въ одну преступную шайку, шакалы и вампиры глубокаго тыла, позабывъ всѣ божескіе и человѣческіе законы, набросились на изнемогающую родину и рвутъ ея тѣло на клочья! Подъ натискомъ жадныхъ хищниковъ, которые, кромѣ своего кармана, ничего не видятъ и знать не хотятъ, и кромѣ золотого тѣльца, никакому Богу не кланяются, замутилась вся русская жизнь, застоналъ не только бѣднякъ, но и обыватель съ среднимъ достаткомъ, ибо при растущей съ каждымъ днемъ на все дороговизнѣ, прежній средній достатокъ превратился въ жалкіе гроши; растетъ недовольство и озлобленіе, колеблется народное единеніе, изсякаетъ народная энергія!

Римская пословица—*homo homini lupus est*¹⁾—побѣдно развернула теперь свои черныя крылья надъ нашей родиной и густо посѣяла на ея поляхъ, облитыхъ святою кровью и горькими слезами, сѣмена озлобленія и дезорганизаціи. Темная шайка спекулянтовъ нагло торжествуетъ и еще наглѣе смѣется надъ всѣми сдерживающими моральными началами. Но что ужаснѣе, что печальнѣе всего, такъ это то обстоятельство, что, если и не всѣ изъ членовъ этой шайки, то, по крайней мѣрѣ, громадное большинство ихъ совершенно искренно считаютъ себя христіанами: въ ихъ подвалахъ и лабазахъ часто горятъ неугасаемыя лампы, они неукоснительно посѣщаютъ храмы Божіи, служатъ молеб-

1). Человѣкъ для человѣкъ волкъ.

ны, а между тѣмъ какъ далеко отъ ихъ сердца слово Господне, какъ основательно они это слово забыли!

„Но тяжкое дѣло есть лихоиманіе, — говоритъ Св. Григорій Неокессарійскій, и невозможно въ единомъ посланіи предложить Божественныя писанія, въ которыхъ нетокмо грабительство, но и вообще любостыжаніе и присвоеніе чуждаго ради гнуснаго прибытка оглашается, яко дѣло отвратильное и страшное и всяко виновный въ одномъ надлежитъ отчужденію отъ церкви Божіей. *А что во время нашествія варваровъ среди толикаго стѣсненія и толикаго плача нѣкіе дерзнули сіе время встѣмъ угрожающее пошибелью, почитати для себя временемъ корысти, сіе свойственно людямъ нечестивымъ и боюне-навистнымъ, дошедшимъ до крайней степени инусности.* Посему справедливымъ признается всѣхъ таковыхъ отлучити отъ церкви да не како придетъ гнѣвъ на весь народъ и первѣе на всѣхъ предстоятелей, не взыскующихъ за сіе“.

Вотъ какъ православная церковь говоритъ о преступной дѣятельности лихоимцевъ и народныхъ разорителей и вотъ какое суровое наказаніе возлагаетъ она на нихъ за ихъ ненасытную жадность.

Но данный вопросъ нельзя разсматривать лишь съ одной религіозной точки зрѣнія. Кромѣ отвѣтственности передъ земнымъ закономъ, отвѣтственность ихъ должна быть тяжкая, они должны разсматриваться не иначе, какъ преступники государственные, ибо посѣвая въ глубокомъ тылу острое недовольство, дезорганизуя его, они тѣмъ самымъ оказываютъ очень существенную услугу нашему внѣшнему врагу, такъ какъ въ настоящей роковой борьбѣ народовъ, исходъ которой главнымъ образомъ зависитъ отъ матеріальнаго и моральнаго истощенія противника, — крѣпкій, хорошо организованный тылъ — это все, это самая твердая основа побѣды, ибо только такой тылъ можетъ служить достаточною опорой для боевой арміи!

Вотъ почему и власть и все общество должны не мало

потратить энергии на борьбу съ нашимъ „внутреннимъ врагомъ“, иначе я не могу назвать спекулянтовъ! Вотъ почему этотъ „третій вражескій фронтъ“ долженъ занять не мало и нашего вниманія и нашихъ усилій для того, чтобы ликвидировать преступную дѣятельность спекулянтовъ и лихоимцевъ, чтобы свести на нѣтъ всѣ усилія ихъ разбойныхъ наступленій!

Конечно, борьба съ вездѣсущею и пока почти всемогущею шайкою шакаловъ глубокаго тыла не легка, не такъ-то легко благополучное разрѣшеніе продовольственнаго вопроса вообще, а истребленіе злоупотребленій въ этой области еще труднѣе и не печать, не церковная проповѣдь, не карательныя, наконецъ, мѣры въ этой борьбѣ должны занимать господствующее положеніе. Нѣтъ, самыя чувствительныя удары всѣмъ этимъ темнымъ скопищамъ жадныхъ хищниковъ можетъ нанести экономическая организованность самого общества, — всякаго рода потребительныя союзы и кооперации, это та тяжелая артиллерія экономической борьбы, которая способна разрушить въ прахъ самыя крѣпкіе окопы „внутренняго врага“, но, къ сожаленію, такая экономическая организованность общества тоже дѣло нелегкое, она прежде всего требуетъ, какъ и всякая борьба, денегъ, денегъ и денегъ, а затѣмъ и времени.

Но вѣдь врагъ не дремлетъ, онъ уже спаялъ, сплотилъ свои темныя силы и съ каждымъ днемъ все тяжелѣй и сильнѣй насѣдаетъ на обывателя гкубокаго тыла, оставлять безъ всякаго отвѣта этотъ наглый натискъ нельзя, но и опасно оставлять обывателя безъ всякой помощи въ этой неравной борьбѣ, а потому не приходится забывать и другія средства борьбы, среди которыхъ проповѣдь съ церковной кафедры и голосъ печати должны занять очень почетное мѣсто.

Церковь не можетъ молчать, не должна быть нѣмою въ этой борьбѣ русскаго общества съ его грязными подонками, въ какія-бы роскошныя хламиды эти подонки не облекались,

какое бы положеніе не занимали въ обществѣ эти безгласные лакеи Вильгельма кроваваго.

Однако, мнѣ кажется, что православные пастыри не должны ограничиваться однимъ обличеніемъ лихоимцевъ, съ такой-же энергіей они должны выступить и противъ растущаго съ каждымъ днемъ легкомысленнаго мотовства среди прихожанъ.

Казенные пайки, повышенная оплата всякаго рода работковъ, повышенная цѣна на разнаго рода продукты, которыми села и деревни снабжаютъ городскіе центры, все это дало возможность неустойчивымъ деревенскимъ людямъ, а таковыхъ громадное большинство, бросать деньги на вѣтеръ, на пустые ни для кого ненужные наряды и другія прихоти, о которыхъ деревня два года тому назадъ не имѣла и понятія. Такое мотовство служитъ только на руку спекулянтамъ, ибо цѣна каждаго товара растетъ вмѣстѣ съ ростомъ спроса на него.

Надо думать, что сельскіе батюшки къ своимъ обязанностямъ отнесутся съ тою серьезностью, которой требуетъ настоящій великій моментъ, когда на поляхъ брани рѣшается вся судьба нашей родины. Надо надѣяться, что наши пастыри окажутся на высотѣ своего положенія, ибо *приспѣло время* ихъ дѣятельности, *приспѣло время* посѣва добраго сѣмени и истребленія того бурьяна и плевель, что злостно засоряютъ народную ниву, злостно обезсиливаютъ ее, вытягивая ради алчнаго прибитка своего всѣ ея жизнедательные соки.

Учиться у кого-бы то нибыло никогда не поздно, иногда не худо поучиться и у враговъ своихъ. Нашъ великій первый русскій императоръ Петръ почти всю жизнь свою учился у шведовъ военному искусству и не переставалъ учиться до тѣхъ поръ, пока не развѣялъ шведскую армію, какъ пыль подъ Полтавой!

Посмотримъ же, какую позиціи заняло нѣмецкое духовенство съ самаго начала войны.

Въ Германіи съ первымъ же пушечнымъ выстрѣломъ загремѣли съ церковныхъ кафедръ и проповѣди, яркія и сильныя, способныя разшевелить самыя вялыя натуры, зажечь пламенемъ патріотизма самыя ледяныя сердца.

Тамъ каждый пастыръ почувствовалъ себя гражданиномъ, отвѣтственнымъ сыномъ родины, находящейся въ смертельной опасности, а потому и выступалъ съ церковной кафедры какъ библейской вождь, какъ народный трибунъ.

Вотъ какъ, между прочимъ, одинъ изъ Мюнхенскихъ пасторовъ зажигалъ бодростью сердца пасомыхъ: „Враги Германіи,—говорилъ онъ,—хотятъ, какъ Далила, остричь волосы нашего могущества. Какъ филистимляне ослѣпить насъ и обезсилить. Обратить Германію въ своего раба и заставить позорно кружить жернова ихъ мельницъ, а они горделиво будутъ пировать, мня насъ подъ своими ногами. Не быть этому торжеству! Если бы имъ и удалось плѣнить насъ, то нѣмецкій Самсонъ, какъ и библейскій, потрясетъ всѣ основы ихъ бытія и погибая, можетъ быть, самъ подъ развалинами торжества враговъ, опрокинетъ всю Европу, сказавъ: погибни душа моя, вмѣстѣ съ филистимлянами!“

Такъ говорить нашъ злѣйшій врагъ, но сила его огненнаго слова, сила вдохновеннаго таланта, но жаркая любовь его къ родинѣ и стальная ненависть къ врагамъ ея невольно наполняютъ нашу душу уваженіемъ къ этому талантливому и искреннему патріоту своего родного края!

Что же!?

Неужели русская земля оскудѣла талантами среди нашего духовенства? Неужели нашъ край родной не способенъ ужъ теперь родить Гермогеновъ, Филаретовъ и Никоновъ!?

Нѣтъ, этого не можетъ быть! Мы глубоко вѣримъ, мы горячо надѣемся, что наше духовенство не останется глухо

къ страданіямъ и слезамъ родного края, мы глубоко убѣждены, что сердце его не будетъ молчать при видѣ преступнаго торжества пресмыкающихся въ грязи гадовъ, для которыхъ слова—родина, ея честь и достоинство—пустой звукъ! Мы знаемъ, что это сердце не можетъ не затрепетать отъ боли и муки при видѣ этого торжества, мы знаемъ, что оно не можетъ не вспыхнуть огнемъ святого гнѣва на безчестныхъ и безстыдныхъ помощниковъ тѣхъ иноземныхъ палачей, которые идутъ на нашу родину съ огнемъ и мечемъ, насиліемъ и поруганіемъ всего святого и завѣтнаго для русскаго человѣка! Мы знаемъ, что и подъ рясою способно биться геройское сердце, гнѣвъ котораго не остановится ни передъ чѣмъ, чтобы обуздать и образумить ея безчестныхъ и своекорыстныхъ губителей!

Пусть же предъ всѣми пастырями русской земли, когда они пойдутъ на свой святой подвигъ обличенія лихоимцевъ, сосущихъ народные соки въ такую тяжкую годину, какъ настоящая, встанетъ во весь свой ростъ величавый образъ святителя угодника Божія Тихона! Пусть вспомнятъ они про ту святую легенду, которая неувядаемымъ вѣнцомъ цвѣтетъ и горитъ вокругъ его имени, какъ всегдашняго заступника за униженныхъ и обиженныхъ, какъ грознаго обличителя фарисеевъ и насильниковъ!

Разсказываютъ, что въ то время, когда святитель жилъ въ Задонскѣ, жилъ тамъ и какой то богатый купецъ, отличавшійся съ одной стороны особымъ любостыжаніемъ, а съ другой чисто показнымъ фарисейскимъ благочестіемъ. И вотъ однажды, когда святитель служилъ литургію, этотъ купецъ принесъ въ храмъ чуть не пудовую свѣчу. Святитель это замѣтилъ и въ своей проповѣди, обращаясь къ молящимся, приблизительно сказалъ такъ: „православные, вы видите эту свѣчу, этотъ богатый даръ, но не думайте, чтобы этотъ даръ былъ угоденъ Господу, ибо свѣча эта чадитъ потомъ трудящихся и слезами обиженныхъ“.

Пусть-же эти яркія и сильныя въ святомъ гнѣвѣ своемъ слова угодника Божія лягутъ краеугольнымъ камнемъ въ основу пастырскихъ обличеній тѣхъ потерявшихъ всякую мѣру и совѣсть людей, которые лютое горе великой матери своей Россіи кладутъ въ основу своего личного благопалучія, пусть величавый и свѣтлый обликъ святителя Тихона, непрестаннаго заступника за всѣхъ труждающихся и обремененныхъ горитъ вѣчнымъ, яркимъ огнемъ предъ лицомъ нашихъ пастырей на святомъ поприщѣ обузданія всѣхъ вампировъ и шакаловъ нашего глубокого тыла.

Правда, путь обличенія сильныхъ и богатыхъ усѣянъ не розами, а терніями отъ нихъ! Правда, организованные хищники много могутъ причинить непріятностей обличителю, но развѣ православный пастырь, надѣвая рясу, не готовился воспріять боль отъ тернового вѣнца? Развѣ честь, достоинство и счастье родного края, истекающаго кровью и слезами, не заставляетъ всѣхъ повелительно идти безтрепетно навстрѣчу всѣмъ вражескимъ силамъ, гдѣ бы онѣ ни пріютились, откуда-бы ихъ ядовитое жало ни высывалось!

„Проповѣдуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увѣщывай со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ“!

Такъ заповѣдуетъ преславный апостолъ Павелъ всѣмъ пастырямъ церкви Христовой и, если эти его слова обязательны для нихъ во всякое время, то тѣмъ болѣе они обязательны теперь, когда всѣ силы народныя должны быть сорганизованы только для одной цѣли, для достойнаго великой страны отраженія наглаго покушенія дерзкаго врага на ея честь и свободу!

Вооружайтесь-же бичами огненнаго слова и, какъ во время оно, Христось изгналъ изъ дома Отца Своего жадныхъ сребролюбцевъ за то, что они домъ Отца Его обратили въ домъ торжища, бичуйте и вы современныхъ сребролюбцевъ; растопите огнемъ своей любви къ родинѣ ледъ, наросшій во-

кругъ ихъ сердца, покрытаго мохомъ! Заставьте это сердце содрогнуться отъ боли и ужаса передъ ихъ нечестными и преступными дѣянiями! Идите туда, „гдѣ трудно дышется, гдѣ горе слышится“, идите! радостно и безтрепетно, ибо *время ваше пріступило!*

(В. Е. В.)

Г. Михайловъ.

Двѣ смерти.

(Религіозно—психологическій этюдъ).

*„Христіанскія кончины живота нашею...
просимъ“* (прошеніе изъ просительной екатеніи).

... Льствица къ небеси гробъ бываетъ“
(Изъ стихиры на Господи возвахъ въ праздникъ
Успенія В. М.).

Какъ хорошо умирають нѣкоторые: величаво, спокойно безмятежно, какъ будто даже съ радостною улыбкою сомкнуть навсегда свои очи, уйдутъ изъ грѣшнаго міра безъ малѣйшей печали о немъ, безъ горькихъ вздоховъ, уйдутъ туда, въ вѣчность, съ христіанскою вѣрою въ безсмертіе души и свѣтлымъ упованіемъ на вѣчное соединеніе со Христомъ, своимъ Господомъ и Спасителемъ.

Умереть такъ—это должно составлять подлинно завидный удѣлъ для каждаго христіанина.

И не напрасно, слѣдовательно, Церковь за каждымъ богослуженіемъ,—и даже неоднократно,—побуждаетъ молящихся просить у Господа христіанскія кончины:

*„Христіанскія кончины живота нашею, безболѣзненны,
непостыдны, мирны... просимъ“.*

Что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть тяжелѣе того, какъ видѣть кончину человѣка неспокойную, когда умирающей съ какимъ-то ужасомъ надтреснутымъ голосомъ высказываетъ свой страхъ передъ смертію, видѣть мятущееся со-

стояніе его духа,—конечно, поскольку это состояніе проявляется во внѣ,—не находящаго себѣ такого источника, изъ котораго ему можно было бы почерпнуть ободреніе и успокоеніе.

Здѣсь хочется привести нѣсколько словъ о смерти Вольтера.

Этотъ „невѣрующій французскій писатель, хвалившійся что онъ своими трудами истребитъ христіанство, долженъ былъ испытать на смертномъ одрѣ весь страхъ и всю боязнь нечистой совѣсти. Въ эту минуту клевета и насмѣшка замерли на устахъ его, и онъ въ отчаяніи умолялъ врача своего: „заклинаю васъ, помогите мнѣ; я отдамъ вамъ половину своего имущества, если вы продлите мою жизнь хотя на 6 мѣсяцевъ; если же нѣтъ, тоя пойду въ адъ, и вы послѣдуете за мной туда же“ („Истина и величіе христіанства“, Ците ,стр. 128).

Жизнь даетъ намъ на каждомъ шагѣ яркіе примѣры этихъ „*двухъ смертей*“.

Возьмемъ описаніе однимъ современнымъ писателемъ кончины Толстого,—этого великаго художника слова, мыслителя, философа и даже учителя—проповѣдника собственнаго религіознаго ученія, *но только далеко не христіанина* въ православно-христіанскомъ пониманіи этого слова.

Темна была и мучительна смерть Толстого. Читатели убѣдятся въ этомъ сами, когда вникнуть въ безотрадное значеніе словъ умирающаго, если они возьмутъ эти слова безъ чертковскихъ комментарій, стремящихся придать этой смерти характеръ спокойный и свѣтлый, возьмутъ эти слова такими, какъ они были сказаны.

Мы сейчасъ приведемъ эти многозначительные возгласы Толстого. Вотъ они:

„Не понимаю, что мнѣ дѣлать... *А мужики-то, мужики какъ умираютъ!**) Такъ видно мнѣ въ грѣхахъ при-

*) Курсивъ этихъ словъ нашъ. С. П. К.

дется умирать... Вотъ и конецъ и ничего"... („Свѣтъ незримый", Лодыженскій).

Такъ умиралъ графъ Л. Н. Толстой, не смогшій при всемъ своемъ геніальномъ умѣ сохранить „на порогъ въ иной міръ", предъ разверзшейся передъ нимъ вѣчностью, того величаваго спокойствія, которое свойственно бываетъ въ подобныя минуты.. нашему сѣрому мужику.

„А мужики-то, мужики какъ умираютъ!"..

Духовному взору умиравашаго Толстого предносилась, какъ идеаль смерти, эта „мужицкая" смерть, но, однако, онъ былъ такъ далекъ отъ нея, далекъ, потому что не имѣлъ въ себѣ той равнодѣйствующей, которая *одна* въ состояніи могла бы удержать въ должномъ соотвѣтствіи всѣ пришедшія въ страшное смятеніе силы его души.

Съ другой стороны, приходятъ на память другіе образы. Хотя бы изъ литературы. Вспомните прекрасный разсказъ И. С. Тургенева: „Смерть" („Записки Охотника", изд. Маркса, 1898 г. стр. 218—231).

Вспомните того Василія—мельника, который на слова фельдшера, что у него, „того и гляди, антоновъ огонь сдѣлается и—на просьбу послѣдняго остаться въ больницѣ, хладнокровно беретъ шапку и... домой.

— Куда же вы, Василій Дмитричъ?—кричитъ фельдшеръ.

— Куда? вѣстимо куда,—домой, коли такъ плохо. Распорядитесь слѣдуетъ, коли такъ.

— Да вы себѣ бѣды надѣлаете, Василій Дмитричъ, помилуйте, я и такъ удивляюсь, какъ вы доѣхали? останьтесь.

— Нѣтъ, братъ, Капитонъ Тимофеичъ (такъ звали фельдшера), уже умирать, такъ дома умирать; а то, что жъ я здѣсь умру, у меня дома и Господь знаетъ, что приключится.

— Еще неизвѣстно, Василій Дмитричъ, какъ дѣло-то пойдетъ... Конечно, опасно, очень опасно, спору нѣтъ... да отъ того-то и слѣдуетъ вамъ остаться. (Мужикъ головой покачалъ).

— Нѣтъ, Капитонъ Тимофеичъ, не останусь... а лѣкар-
ствицо развѣ пропишите.

— Лѣкарство одно не поможетъ.

— Не останусь, говорятъ.

— Ну, какъ хочешь... чуръ, потомъ не пенять!

Фельдшеръ вырвалъ страничку изъ альбома и, пропи-
савъ рецептъ, посовѣтовалъ, что еще дѣлать. Мужикъ взялъ
бумажку, далъ Капитону полтинникъ, вышелъ изъ комна-
ты и сѣлъ на телѣгу.

— Ну, прощайте, Капитонъ Тимофеичъ, не поминайте
лихомъ, да сиротокъ не забывайте, коли что...

— Эй, останься, Василій!

— Мужикъ только головой тряхнулъ, ударилъ вожжой
по лошади и сѣхалъ со двора.

Я вышелъ на улицу, — говоритъ авторъ, — и поглядѣлъ
ему вслѣдъ. Дорога была грязная и ухабистая, мельникъ
ѣхалъ осторожно, не торопясь, ловко правилъ лошадью и со
встрѣчными раскланивался... На четвертый день онъ умеръ“.

„Удивительно умираетъ русскій мужикъ! Состояніе его
передъ кончиною нельзя назвать ни равнодушіемъ, ни ту-
постью; онъ умираетъ, словно обрядъ совершаетъ: холодно
и просто“, восклицаетъ въ другомъ мѣстѣ того же раз-
сказа Тургеневъ, повѣствуя о послѣднихъ минутахъ жизни
другого крестьянина.

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, у другого моего сосѣда
въ деревнѣ, мужикъ въ овинѣ обгорѣлъ... Я, — говоритъ
авторъ, — зашелъ къ нему въ избу. Темно въ избѣ, душно,
дымно. Спрашиваю, гдѣ больной?

— А вонъ, батюшка, на лежанкѣ, — отвѣчаетъ мнѣ на —
распѣвъ подгорюнившаяся баба.

Подхожу — лежитъ мужикъ, тулупомъ покрылся, ды-
шитъ тяжко.

— Что, какъ ты себя чувствуешь?

Завозился больной на печи, подняться хочет, а весь въ ранахъ, при смерти.

— Лежи, лежи, лежи...

— Ну, что? какъ?

— Вѣстимо, плохо, говорить.

— Больно тебѣ?

Молчить.

— Не нужно-ли чего?

Молчить.

— Не прислать ли тебѣ чаю, что ли?

— Не надо.

Я отошелъ отъ него, присѣлъ на лавку. Сижу четверть часа, сижу полчаса,—гробовое молчаніе въ избѣ. Въ углу, за столомъ подъ образами, прячется дѣвочка лѣтъ пяти, хлѣбъ ѣстъ. Мать изрѣдка грозитъ на нее. Въ сѣняхъ ходятъ, стучать, разговариваютъ: братнина жена капусту рубить.

— А, Аксинья! проговорилъ, наконецъ, больной.

— Чего?

— Квасу дай.

Подала ему Аксинья квасу. Опять молчаніе.

Спрашиваю шопотомъ: причастили его?

— Причастили.

— Ну, стало—быть, и все въ порядкѣ: ждетъ смерти, да и только. Я не вытерпѣлъ и вышелъ“...

А какъ разителень тотъ примѣръ, которымъ такъ сильно закончилъ авторъ этотъ захватывающій рассказъ.

„Старушка помѣщица,—пишетъ онъ,—при мнѣ умирала. Священникъ сталъ читать надъ ней отходную, да вдругъ замѣтилъ, что больная-то дѣйствительно отходить, и поскорѣе подаль ей крестъ. Помѣщица съ неудовольствіемъ отодвинулась. „Куда спѣшишь, батюшка“, проговорила она коснѣющимъ языкомъ: „успѣешь“... Она приложилась, засунула—было руку подъ подушку и испустила послѣдній

вдохъ. Подъ подушкой лежалъ цѣлковый: она хотѣла заплатитъ священнику за свою собственную отходную...

Да, удивительно умирають русскіе люди!“

Или вотъ еще примѣръ изъ произведеній самого же Толстого. Помните, какъ послѣдній трогательно списалъ кончину своей глубокоувѣрующей старушки няни Наталіи Савишны въ своей повѣсти: „Дѣтство и Отрочество“ (Сочиненія гр. Л. Н. Толстого, 1886 г. часть I, стр. 126—127).

„Наталія Савишна, — какъ мы уже и упомянули, няня писателя, — два мѣсяца страдала отъ своей болѣзни и переносила страданія съ истинно-христіанскимъ терпѣніемъ: не ворчала, не жаловалась, а только по своей привычкѣ безпрестанно поминала Бога. За часъ передъ смертью она съ тихою радостью исповѣдалась, причастилась и соборовалась масломъ.

У всѣхъ домашнихъ она просила прощенія за обиды, которыя могла причинить имъ, и просила духовника своего, о. Василія, передать всѣмъ намъ, что не знаетъ, какъ благодарить насъ за наши милости, и просить насъ простить ее, если по глупости своей огорчила кого—нибудь, „но воровкой никогда не была и могу сказать, что барскою ниткой не поживилась“. Это было одно качество, которое она цѣнила въ себѣ.

Надѣвъ приготовленный капоть и чепчикъ, и облачившись на подушки, она до самаго конца не переставала разговаривать съ священникомъ, вспоминала, что ничего не оставила бѣднымъ, достала десять рублей и просила его раздать ихъ въ приходъ; потомъ перекрестилась, легла и въ послѣдній разъ вздохнула, съ радостной улыбкой произнося имя Божіе“.

Не такъ давно, мѣсяца два назадъ, пишущему эти строки, пришлось соборовать въ своемъ приходѣ одного крестьянина.

Пріѣхавъ въ деревню и вошедши въ избу, я увидѣлъ

обльного Семена, — такъ звали крестьянина, — положеннымъ въ передній уголъ — „подъ божницу“. Онъ былъ въ полномъ сознаниі. И хотя, правда, ясно было, что положеніе больного крайне серьезно, тѣмъ не менѣе, — казалось, — ничто не предвѣщало того, что ему осталось жить всего около двухъ часовъ. Окончивъ соборованіе, я пожелалъ Семену скорого выздоровленіе, — на что онъ отвѣчалъ мнѣ благодарностью, — и благословивъ его, поѣхалъ къ себѣ домой. Но не успѣлъ я отъѣхать и двѣсти сажень отъ избы Семена, какъ тотъ вдругъ закричалъ, — объ этомъ рассказывали мнѣ послѣ его домашніе: „Остановите-ка, остановите батюшку. Пускай обождетъ. И я съ нимъ поѣду“... Да съ этими словами и Богу душу отдалъ.

Вѣрно, — „уѣхалъ“, но только въ иной міръ. И такъ спокойно. Безъ страха и тревоги...

Но не достаточно-ли примѣровъ!?

Въ чемъ же, спрашивается, разгадка такой діаметральной противоположности этихъ „*вухъ смертей*“?

Съ одной стороны, — Толстой, гений, великій писатель, создатель собственнаго религіознаго ученія, а мечется, мучится душой, жаждетъ, но не можетъ умереть „смертью мужика“. И рядомъ же съ нимъ — простой крестьянинъ, какой-либо Кассіанъ или Дементій, безвѣстный, сѣрый, безграмотный или малограмотный, умираетъ такъ величаво, „словно обрядъ совершаетъ“, какъ мѣтко выразился Тургеневъ.

Конечно, въ разрѣшеніи поставленнаго выше вопроса не играетъ какой-либо роли: — гениальность или бездарность, образованность или безграмотность, богатство или бѣдность, „графство“ или „мужичество“... Разгадка его заключается въ томъ, что одни, какъ, по преимуществу, — нашъ простой русскій народъ, — „*богоносецъ*“, *иллютъ вѣру*, а у другихъ ея-та и нѣтъ; первые христіане, для послѣднихъ Христосъ и Его вѣра — никто и ничто, — какъ и сами они, къ слову

сказать, по своей душѣ, по своему духовному „я“, — жалкое, прежалкое „ничто“.

И если душа этихъ людей безъ вѣры на продолженіи всей своей жизни, что волны бурливаго моря, была неспокойная, тревожилась, металась туда и сюда, ища разрѣшенія тѣхъ духовныхъ запросовъ, которые постоянно возникали въ ней, и всетаки не находила ничего такого, что могло бы удовлетворить ее совершенно, то теперь, когда и для нея пробилъ роковой часъ смерти, всѣ эти духовные запросы, словно докатившійся мощный девятый валъ, должны встать на фонѣ всей минувшей столь мрачной въ духовномъ отношеніи жизни съ особою ужасающей и прямо терзающей остротою. А впереди!.. Какая-то невѣдомая бездна... Что-то есть? Чувствуется— „есть“... хотя и нѣтъ вѣры въ безсмертіе, жизнь за гробомъ. Чувствуется потому, что въ самую духовную природу человѣка заложена Творцовъ въ моментъ сотворенія его идея безсмертія. А отсюда, отъ этого безотчетнаго чувствованія, что впереди „что-то есть“, невѣдомая таинственная бездна будущаго становится еще ужаснѣе. Душу терзають неизобразимыя страданія. Въ ней должно происходить полное смятеніе духовныхъ силъ, — страшная буря, волны которой, будучи не въ силахъ удержаться внутри, пробиваются наружу и иногда съ такою могучею силой. „А мужики-то, мужики какъ умирають“... — это не попусту выкрикнутыя слова: это вопль мятущагося человѣческаго духа, не находящаго себѣ желаннаго успокоенія въ часъ смертный, это тяжелый всплескъ, пробившійся наружу, того „девятаго вала“, который, подкатившись, такъ страшно взбурлилъ человѣческую душу, требуя отъ нея, какъ нѣкій судія, отвѣтить, въ эти послѣднія минуты ея земнаго бытія, на тѣ духовные запросы, къ которымъ она была вовсе глуха или обманывалась въ ихъ разрѣшеніи.

Совершенно противоположное долженъ испытывать въ эти трепетныя минуты, такъ и хочется сказать трогательны-

ми словами церковными, — „егда душа отъ тѣла разлучается“, — христіанинъ.

„Вѣры“, мы знаемъ, яко аще земная наша храмина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы, храмину нерукотворену, вѣчну на небестѣхъ“, говоритъ ап. Павелъ (2 Кор. 5, 1).

„Желаемъ лучше выйти изъ тѣла и водвориться у Господа“.. (2 Кор. 5, 6).

И глубоко справедливъ былъ Тургеневъ, такъ мѣтко сказавъ, что русскій мужикъ, умирая, „словно обрядъ совершаетъ: холодно и просто“. Вѣрнѣе, сказали бы мы, — „не холодно“, а величаво спокойно, однимъ словомъ, — „священнодѣйствуетъ“.

„Чась смертный“... Какое безпредѣльно возвышенное, такъ отвѣчающее его православно-христіанскому мирозозерцанію, понятіе сложилось о немъ у вѣрующаго русскаго человѣка.

„Чась смертный“ — сколь поистинѣ священна и таинственна эта минута въ человѣческомъ бытіи!

Прекрасно изображенъ христіанскій взглядъ на смерть въ одной изъ стихиръ на праздникъ Успѣнія Пресвятыя Богородицы:

„... *Лѣствица къ небеси гробъ бываетъ*“.

Въ этихъ немногихъ словахъ сказано весьма много.

Смерть — это лишь послѣдняя переходная ступень отъ земли къ небу, отъ брэннаго къ нетлѣнному, отъ временнаго къ вѣчному. Смерть — это какъ бы нѣкоторый таинственный порогъ, переступивъ черезъ который, христіанину открывается другой міръ.. небеса.. жизнь безконечная.

Вспоминаю, какъ совершалось надо мною посвященіе во діакона. Еще мгновеніе и ты долженъ вступить въ „царскіе врата“ или, какъ называетъ ихъ нашъ простой народъ „райскія двери“. Сердце трепещетъ. Вдали, въ облакахъ кадильнаго дыма, — святой престоль. Одинъ шагъ... Но вотъ

священная черта перейдена и ты уже въ алтарѣ, склонившись около престола... передъ Самимъ, невидимо „здѣ“ присутствующимъ Христомъ.

Не сродственныя-ли такъ или иначе переживанія должень, думается, испытывать каждый вѣрующій христіанинъ въ часъ смертный?! Еще, быть можетъ, нѣсколько трепетныхъ минутъ ожиданія,—чувствуетъ умирающій,—и для его души, „разлучающейся съ тѣломъ“, откроются тоже „райскія двери“, черезъ которыя та будетъ вознесена на поклоненіе къ престолу Всеправеднаго Судіи. Вотъ онъ на грани двухъ міровъ. Духовному взору,—и чѣмъ чище онъ, тѣмъ ярче,—уже рисуются свѣтлыя небесныя дали. И тамъ, гдѣ такъ особенно свѣтло, Самъ Онъ... Господь... Христось. Какъ должны быть безконечно трепетны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неизъяснимо складки эти минуты!.. Но если каждый—скажемъ—рядовой, добрый христіанинъ можетъ удостоиться такой блаженной кончины, то какова же, является вопросъ, должна быть по связаннымъ съ нею душевнымъ переживаніямъ смерть святыхъ, сколь блаженна, безмятежна и святая!? Изъ житія препод. Серафима Саровскаго извѣстно, что наканунѣ своей кончины (въ Новый годъ) онъ все время пѣлъ пасхальныя пѣснопѣнія. Не въ высшей ли мѣрѣ краснорѣчиво долженъ говорить намъ этомъ фактъ о томъ, каково было душевное состояніе Святого передъ его блаженной кончиной. „Онъ чувствовалъ себя, какъ въ Пасху. И на душѣ у него была—Пасха. И впереди—Пасха...

Но далѣе. Нетревожимый въ жизни своей тѣми вопросами, такъ сказать, высшаго порядка, разрѣшить которые человѣку возможно лишь при свѣтѣ Евангелія, христіанинъ вѣритъ съ Апостоломъ, что впереди, за смертью, бессмертный духъ его долженъ будетъ получить надлежащее развитіе: его личная вѣра возрастетъ до степени вѣдѣнія. „*Теперь мы видимъ,*—читаемъ въ посланіи ап. Павла Коринѣскимъ христіанамъ,—*какъ бы сквозь тусклое стекло, изда-*

тельно, тогда же лицомъ къ лицу" (1 Кор. 13, 12). „Ибо мы ходимъ върою, а не видѣніемъ" (2 Кор. 5, 7.) Это учение вѣры окрыляетъ человѣка надеждою на возможность тѣснѣйшаго единенія со Христомъ, своимъ Спасителемъ и Икупителемъ, въ жизни загробной. „Для меня жизнь — Христосъ, и смерть — приобретение", восклицаетъ ап. Павелъ, провидя открывающуюся за смертью полноту вѣдѣнія и жизни во Христв (Филипп. 1, 21).

Безспорно, „христіанская" кончина, какъ говоритъ намъ жизнь, бываетъ удѣломъ далеко не всякаго христіанина. Причина этого лежитъ исключительно въ собственномъ человѣческомъ небреженіи и безпечности. Памятованіе о „часѣ смертномъ" должно быть свойственно каждому, и тѣ слова, которыя мы слышимъ, приходя въ храмъ: „христіанскія кончины.. просимъ", должны стать постоянной нашей личной молитвой. Человѣку надо быть всегда готовымъ къ смерти, какъ были готовы тѣ мудрыя дѣвы, упоминаемыя въ евангельской притчѣ (Мѣ. 25, 1—13), такъ благоразумно запасшія елей ко встрѣчѣ Жениха, пришедшаго въ столь неурочный часъ. Елей, необходимый каждому изъ насъ, — вѣра въ Бога, надежда на Его милосердіе, любовь къ Нему и наши собственныя добрыя дѣла. Имѣя въ себѣ такой яркій свѣтильникъ, заправленный столь добрымъ елеемъ христіанскихъ вѣры, надежды и любви, христіанинъ не дрогнетъ передъ мрачно и изображаемымъ лицомъ грядущей смерти, ибо для него она, озаренная свѣтомъ христіанскаго упованія, будетъ, — скажемъ словами великаго Апостола, — „приобрѣтеніемъ" (Фил. 1, 21) и всецѣло жизнью во Христв.

Священникъ *Петръ Кедровъ.*

Новгород. Е. В.

О реформахъ въ Русской Церкви.

Нѣсколько мыслей къ вопросу о реформѣ прихода.

(Окончаніе.)

Тягостность положенія сельскаго священника не ограничивается однако-же матеріальнымъ недостаткомъ и матеріальной зависимостью отъ прихода. Приходилось видѣть исключительныхъ Божьихъ избранниковъ, истинныхъ пастырей, для которыхъ меркантильные интересы особаго значенія въ жизни не имѣли, которые во имя высокой идеи и своего призванія готовы мириться съ этимъ вопросомъ.. Однако и тѣхъ положеніе часто было незаводное, и эта тягостность положенія часто создавалась вслѣдствіе отсутствія нравственной поддержки со стороны непосредственнаго начальства въ лицѣ благочинныхъ и архипастырей.

Не знаю, какъ дѣло обстоитъ на Кавказѣ, но въ юго-западномъ краѣ весьма незавидно. Мужичекъ-малорось, какъ прихожанинъ, слишкомъ непостоянный въ своихъ убѣжденіяхъ; среди малоросовъ—крестьянъ трудно искать глубокой и неподкупной признательности, „сегодня равви — завтра распни“ — вотъ его этика. Достаточно полштофа водки со стороны мнимо обиженнаго, чтобы была подписана большимъ количествомъ подписей коллективная жалоба на своего-же священника даже лицами, незаинтересованными въ этой жалобѣ. Сколько разъ мнѣ приходилось наблюдать, какъ какой н. б. мужичекъ въ базарный день въ мѣстечкѣ, споивши десятка два своихъ сосѣдей, отправляется къ какому л. б. борзописцу, который за рубль готовъ что угодно написать. Прошеніе это отправляется въ консисторію, и вотъ, какъ снѣгъ на голову, въ одинъ прекрасный день наѣзжаетъ цѣлая комиссія, во главѣ съ полиціей, и начинается разборъ часто самой возмутительной клеветы и даже нелѣ-

пости. Дѣло кончается ничѣмъ, а все-же мужичекъ торжествуеть, сознавая зависимость священники отъ его жалобы. Конечно, въ такихъ случаяхъ можно было бы подать встрѣчную жалобу за клевету, но, по скромности священника, подобные примѣры мнѣ не встрѣчались. Особенно подобнаго рода жалобы изобилуютъ въ селахъ, гдѣ матеріальное положеніе священника нѣсколько лучше, гдѣ крестьяне чувствуютъ, что священникъ приходомъ дорожить. Недалеко, какъ въ этомъ году, въ одномъ изъ приходоу Подольской епархіи отъ почтеннаго протоіерея, прожившаго болѣе двадцати лѣтъ на одномъ приходѣ, полнаго безсребренника, положившаго всю жизнь свою на благоустройство прихода, заботящагося о благолѣпіи храма, устроившаго церковный хоръ, лучшій во всей Подоліи,—я слышалъ такой разговоръ.

—Ну, что-жъ, батюшка, какъ ваши дѣла съ приходомъ? какъ ладите съ прихожанами?—Теперь, Слава Богу, ничего,—говоритъ онъ,—жить можно. Спасибо владыкѣ Серафиму. А до него было трудненько, почти каждый годъ были слѣдствія съ полицией и проч.—Изъ-за чего-же эти слѣдствія происходили?—спрашивали его.—Да развѣ для этого много нужно?—разъ обвиняли меня въ поборахъ, а вы знаете, какой я вымогатель, ни одному крестьянину за всю жизнь не сказалъ „дай“; обвиняли въ незаконной растратѣ церковныхъ денегъ, обвиняли въ проволочкѣ въ выборѣ церковнаго старосты, говорили, что я въ церкви бранюсь и т. д. Конечно, Богъ хранилъ отъ ихъ навѣтовъ, а все-же жестоко обидно переносить подобную несправедливость.—Какъ же пособилъ вамъ владыка Серафимъ?—А вотъ какъ: жалобу онъ разсмотрѣлъ и предоставилъ благочинному разслѣдовать; оказалась ложь. вмѣстѣ съ тѣмъ владыка предложилъ благочинному представить вообще отзывъ обо мнѣ. Моя аттестація владыкѣ, прослужившему 15 л. сельскимъ священникомъ, сдѣлалала то, что онъ понялъ навѣты со стороны крестьянъ. Незамедлила послѣдовать ему снова жалоба, но на

эту жалобу владыка реагировалъ иначе. Увидѣвши снова нелѣпость жалобы, онъ ее отослалъ мнѣ съ своей личной резолюціей на той-же жалобѣ, — сдѣлать въ церкви послѣ службы, въ присутствіи всего прихода, архипастырскій выговоръ подписавшимъ прошеніе. Послѣ этого больше жалобъ не было. Спустя годъ, владыка Серафимъ благоволилъ посѣтить меня своей архипастырской ревизіей. О многомъ спрашивалъ, интересовался моей пастырской дѣятельностью, любовался хоромъ и въ заключеніи обратился къ многочисленной толпѣ со словомъ, въ которомъ выразилъ свою благодарность за мое многолѣтнее служеніе. — „Вы, прихожане, — сказалъ онъ — должны дорожить такимъ рѣдкимъ пастыремъ, дурно поступаютъ тѣ изъ васъ, которые оказываются неблагодарными и допускаютъ незаслуженныхъ оскорбленія. — Послѣ этого стало легче и отношенія съ прихожанами сразу измѣнились.

Приводя подобный примѣръ, я, конечно, слишкомъ далекъ отъ мысли о неподсудности духовенства, объ игнорированіи могущихъ быть злоупотребленій проступковъ со стороны духовныхъ лицъ, правосудіе должно торжествовать всюду; я лишь склоняюсь къ тому, что авторитетъ священника слѣдовало бы всячески поддерживать, особенно тамъ, гдѣ могутъ происходить вышеотмѣченныя явленія. Не лучше ли было бы, если бы отрицательныя стороны изъ жизни духовенства разбирались въ тѣхъ случаяхъ, когда не является крайность, лишь духовной властью, духовнымъ непосредственнымъ начальствомъ. Не лучше ли было бы, если-бы благочинный, прежде всего, лично констатировалъ данный фактъ, степень виновности и, въ случаѣ правоты священника, обидчикъ понесъ бы должную кару. Положеніе католическаго, на примѣръ, духовенства, въ этомъ отношеніи, стоитъ значительно лучше. Въ этомъ же году мнѣ пришлось наблюдать слѣдующій фактъ. Въ одномъ изъ мѣстечекъ Подольской губ. умеръ помѣщикъ — католикъ, не-

говѣвшій въ теченіе 15 лѣтъ. Когда родственники обратились съ просьбой похоронить, ксендзь отказался, говоря, что онъ не считаетъ покойника, неговѣвшаго столько лѣтъ, христіаниномъ. Родственники обратились тогда по телеграфу съ просьбою къ благочинному, но тотъ отвѣтилъ, что дѣло представляетъ усмотрѣнію ксендза. Была послана телеграмма митрополиту въ Петроградъ, но отвѣтъ послѣдовалъ тотъ же. И ксендзь покойника не хоронилъ. Несомнѣнно, впослѣдствіи у ксендза съ его начальствомъ была соотвѣтствующая переписка, но авторитетъ его былъ подержанъ. Ксендзь былъ правъ, но попробуй сдѣлать это нашъ священникъ, да еще съ помѣщикомъ, едвали финалъ былъ бы тотъ же?

Касаясь личности и положенія священника вообще въ приходѣ, невольно хочется сказать еще несколько словъ на злободневный вопросъ относительно выборнаго духовенства. Идеаль прекрасный, лучшаго и желать не нужно, не далеко и царствія Божія достигнуть на землѣ... чего же болѣе? Но, мечты, мечты, гдѣ ваша сладость! Теперь трудно найти достойныхъ священнослужителей, а тогда будетъ и того хуже. Кто жилъ въ деревнѣ, знаетъ развитіе, запросы и этику простого крестьянина, тому нечего объяснять и доказывать можно-ли крестьянина избирать судьей и выборщикомъ. Иныя быть можетъ скажутъ, что выборнымъ священникомъ будутъ прихожане дорожить, какъ своимъ ставленникомъ. Быть можетъ и такъ, но вотъ вамъ аналогичные примѣры.

Какъ извѣстно въ деревняхъ Россіи сельскіе старосты, церковные старосты и др. лица выбираются селомъ на опредѣленный срокъ. За рѣдкими и даже оч. рѣдкими исключеніями данное избранное лицо прослуживаетъ больше положеннаго срока, обязательно перемѣнять, и не потому, что данный выборный оказался негоднымъ, онъ могъ быть самымъ лучшимъ, онъ могъ защищать крестьянскіе интересы, но это имъ нисколько не мѣшаетъ его смѣнить.

„будеть съ него, достаточно онъ съ насъ нажился, пусть другой поправится“—вотъ вамъ крестьянская мораль. Наша крестьянская община распалась, религіозной объединенности нѣтъ, личности священнослужителя потеряли свой ореолъ святости, до культурной же оцѣнки личности священника, какъ человѣка, нашъ крестьянинъ еще далеко не доросъ. Да и можетъ ли быть рѣчь о реформѣ прихода, если священникъ будетъ въ полной зависимости отъ своего темнаго прихожанина, „калифомъ на часъ“, когда достаточно будетъ разъ „повести противъ шерсти“, чтобы завтра же остаться за бортомъ! Какія бы благодѣтельные реформы ни производились, они безъ ломки стараго, быть не могутъ, а эта послѣдняя, при выборномъ духовенствѣ, едва ли осуществима. Сначала нужно темную массу эту научить, довести ее до степени умственно культурнаго человѣка, а иначе повторится басня Крылова „Конь и всадникъ“.

Кончая статью, позволю себѣ добавить, что пока что будетъ, пока осуществится реформа, а осуществлена вполнѣ она можетъ быть не такъ еще скоро, не мѣшало-бы подумать о поднятїи образованїя въ церковныхъ школахъ и особенно о благолѣпїи церковной службы. Какъ грустно бываетъ, когда въ церкви, во время службы „кое-какъ поеть“ на клиросѣ одинъ дьячекъ, что оч. часто бываетъ по селамъ, или какой н. б. крыловскій квартетъ; какое здѣсь можетъ создаться религіозное чувство? Мнѣ оч. часто приходилось видѣть примѣры, какъ крестьяне бѣгутъ въ костелъ слушать стройную и мелодическую музыку органа. Грустно становится при подобной картинкѣ. Одними разъясненїями преимущества православїя надъ католичествомъ далеко не пойдешь, здѣсь нужно еще что-то. Преданїе, вѣдь, говоритъ, что послы св. Владимира, познакомившись съ многими вѣроученїями, облюбовали православїе, между прочимъ, за то, что, стоя въ храмѣ, они были поражены благолѣпїемъ службы: „мы стояли какъ-бы на небѣ“—гово-

рили они. Это преданіе не слѣдуетъ и намъ забывать и намъ слѣдуетъ съ нимъ считаться.

Итакъ, заканчивая статью, мы придерживаемся того мнѣнія, что при реформѣ прихода необходимо подумать о поднятіи развитія духовенства, необходимо священника матеріально обезпечить, охранять насколько возможно его авторитетъ, щадить священный санъ, повременить съ выборнымъ началомъ, пока само время этого не ускорить, пока приходъ не станетъ способнымъ къ такому важному и серьезному перевороту, а тѣмъ временемъ улучшить богослуженіе и тѣмъ объединить прихожанъ вокругъ ихъ приходского храма, а это уже поможетъ въ будущемъ главной задачѣ: объединенію прихожанъ вокругъ своего пастыря.

П. Стефановскій.

ОТКЛИКИ.

„Кіевскія Еп. Вѣдомости“ въ обзорѣ печати по вопросу реформы прихода ставятъ вопросъ: „гдѣ и какъ надо рѣшать этотъ весьма важный вопросъ“?

Все что желаетъ быть жизненнымъ, должно быть пригоднымъ къ условіямъ даннаго времени. Исторія даетъ намъ яркіе примѣры творчества такихъ началъ жизни, которыя, къ глубокому сожалѣнію, оказались далекими отъ жизни, а потому и... ненужными. Слѣдовательно и теперь необходимо творцамъ и поборникамъ реформы, подслушать и уловить незримый голосъ жизни. Обыкновенно это удается, когда у реформы стоятъ люди практики, а не отвлеченной мысли. И потому надо признать, что возстановленіе прихода будетъ жизненнымъ, если творчество его будетъ происходить при условіи соборнаго обсужденія данной реформы людьми, наиболее близко заинтересованными въ этомъ дѣлѣ. Такими людьми являются пастыри православной Руси.

Въ душахъ этихъ скромныхъ слугителей Христа теплится огонь вѣры, который они возжигаютъ въ сердцахъ пасомыхъ...

Такъ, послѣ этого, скажите, какъ предъ Богомъ, обращается къ читателямъ одинъ изъ авторовъ, кому же, кому, какъ только не пастырю, знать что надо сдѣлать для прихода, чтобы ярче заблесталъ на Руси свѣтъ милаго сердцу и родного православія?

Нѣтъ, по нашему глубокому убѣжденію, теперь же не теряя ни одного момента, надо собрать представителей отъ каждой епархіи. Собрать ихъ надо въ Петроградѣ, гдѣ такъ много говорятъ и пишутъ о приходской реформѣ.

Пусть это будетъ „Церковная дума“, собранная только для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ реформой прихода.

Церковная дума къ существующимъ проектамъ дать такой коррективъ, какой только можетъ дать, освященная вѣками соборность.

Во главѣ Церковной думы долженъ стоять пользующійся несомнѣннымъ авторитетомъ и популярностью епископъ. Своей тактичностью и архипастырской мудростію онъ умѣло поведетъ засѣданія пастырей.

Тогда канонично и исторично благополучно разрѣшится одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ церковной жизни.

Скорого наступленія этого момента вѣрующая Русь мучительно жаждетъ.

Объявленіе.

Совѣтъ для усиленія средствъ Елисаветинекоей
Общины сестеръ милосердія Россійскаго Общества
КРАСНАГО КРЕСТА

(Петроградъ, Полюстровская наб., д. № 5^б)

ПРИНИМАЕТЪ ПОЖЕРТВОВАНІЯ

на нужды ОБЩИНЫ и ея ЛЕЧЕБНИЦЪ,

при чемъ въ память о пожертвованіи
единовременно не менѣе 10 руб. выдаетъ **СЕРЕБРЯНЫЕ,**
а не менѣе 100 р. **ЗОЛОТЫЕ ЖЕТОНЫ** напечатаннаго
образца. Деньги слѣдуетъ посылать: Въ Петроградъ, Водо-
проводный пер., д. № 4, чрезъ 15-е п.-т. о. Совѣту для усиленія
средствъ Елисаветинской Общины сестеръ милосердія.

СОДЕРЖАНІЕ: *Оффиціальная часть:* — 1. Распоряженіе Св. Синода: а) Указъ о повсемѣстномъ сборѣ на организацію учебно-трудоу помощи увѣчнымъ воинамъ. 2. Распоряженія Епархіальнаго Начальства: а) Къ свѣдѣнію духовенства Епархіи; б) Назначенія, перемѣщенія и увольненія; 3. Отъ Владикавказской Епархіальной Предсѣздной Комиссіи; 4. Списокъ свободныхъ мѣстъ. 5. Отъ Совѣта и Правленія Владикавказскихъ духовно-учебныхъ заведеній. 6. Расписаніе экзаменовъ Вл. Еп. ж. Училища.

Неоффиціальная часть: 1. Приспѣло время — Г. Михайловъ; 2. Двѣ смерти. — Свящ. П. Кедровъ; 3. О реформахъ въ Русской Церкви: Нѣсколько мыслей къ вопросу о реформѣ прихода — В. Стефановскій; б) Отклики. 4. Объявленія.

Печатать разр. 1 Сентября 1916 г. Цензоръ Протоіерей. Д. Дьяченко.
